

КРЫМ И КУЛЬТУРА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

УДК: 821.161.1

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН О ВОЙНЕ: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА*

Алимов Сергей Александрович,

краевед

(Украина, г. Запорожье)

e-mail: alimovszp@mail.ru

В статье рассматривается отношение М. Волошина к истории, к историческим событиям, происходившим в начале XX века, его геополитические рассуждения. Автор доказывает многочисленными утверждениями Волошина в стихотворениях, прозе и письмах бессмысленность и беспощадность любых военных действий. Предпринята попытка осмыслить поэта как историка и глубокого провидца.

Ключевые слова: М. Волошин, история, война, пророк, гражданская лирика, Европа, Россия.

Изучение творческого наследия М. Волошина раскрывает новые грани его личности. К ипостасям поэта и художника добавились искусствовед, философ, мыслитель и даже пророк. Зная историю XX-го века можно только удивляться точности его прогнозов. Казалось бы, глубина видения Волошиным судеб России и Европы распространялась до середины минувшего века. Уже это дает основание для анализа его исторических предсказаний. В них наиболее ценными являются не сами предсказания (будет то-то, будет так-то), а его размышления, его методология, которые он не скрывал. О М. Волошине можно говорить, как об историке, который понял закономерности развития общества и

рассчитал «траекторию» его движения, подобно астроному, который, наблюдая за движением небесных тел, вычислил параметры их орбит.

История была для М. Волошина не «мертвой наукой», пытающейся узнать о том, что было когда-то давным-давно, от чего мы далеко ушли и что уже не повторится. А ее изучение было не погружением в какую-то одну эпоху со всеми ее мелкими археологическими подробностями, а поиском предпосылок и аналогий событиям, свершающимся на его глазах. «Да что же я смогу писать, пока не дам себе ясного отчета в современности и не приведу ее в связи с историей» [12, с. 719], – признался он в письме к Якову Глозову. Волошин был убежден, что «ни исторические эпохи, ни исторические характеры никогда не угасают бесследно в жизни народов. В современности всегда присутствует всё, из чего народ слагался исторически» [6, с. 367]. А обращаясь к прошлому, «рациональнее идти от современности вглубь, чем наоборот, как обыкновенно принято» [12, с. 600].

Личным открытием для него была история нескольких предшествующих десятилетий: «Передо мной раскрылся целый мир, о котором я раньше не имел понятия. Передо мной раскрылись течения и движения семидесятых годов, и раскрылись в таком свете и в таком виде, что я был поражен и подавлен. Мы, русские, совсем не знаем своего прошлого – новое поколение приходит, не зная ничего о поколении предыдущем. Это прошлое – наше наследство, наше достояние, скрыто и отнято у нас. А прошлое действительно великое: какие громадные личности, какая железная сила воли, какая страстная любовь к родине – и это все уничтожено, замыто, скрыто, искажено...» [12, с. 122]. Как часто вымаранными оказываются страницы истории нескольких последних десятилетий, которые объявляются ошибочными. При этом разрывается цепочка событий, теряется связь времен. Текущие события начинают казаться совершенно неожиданными.

Свершающиеся события Волошин рассматривал в едином потоке времени и неразрывно связанными: «каждое явление современности является малой чертой в единой человеческой трагедии» [9, с. 421].

Он стремился: увидеть в частном общее. Современность в исторической перспективе: «В смутах уособиц и войн постигать целокупность» [5, с. 67].

Историю страны рассматривал в контексте всемирной истории или как он говорил: «мировой трагедии» [9, с. 456]. Волошин часто проводил аналогии жизни и театра.

Не пропускал ни одной страницы: «Теперь я глубоко понял, что для человека нет иного откровения, кроме того, что скрыто в каждом со-

бытии жизни, в каждом мгновении бытия. Что надо внимательно читать жизнь, не упуская ни одного извива ее» [13, с. 368].

Стремился: «быть не частью, а всем; не с одной стороны, а с обеих» [5, с. 67]. Был «над схваткой». Но это не значит, что был в стороне. Он был на стороне каждого. Не судил: кто – прав, кто – виноват. Верил, переживал и молился за каждого человека.

Призывал: «живи текущим днем», но при этом будь «памятью насыщенный, как земля» [5, с. 82].

Настоящее для Волошина – это мгновение, в котором будущее становится прошлым: «Но у настоящего нет граней: оно еще не перестало быть будущим и уже становится прошлым, оно уже сложено в кладовую изжитых мгновений» [8, с. 299]. Его отношение к настоящему пронизано скептицизмом, а к будущему – «ВЕРОЙ», как волевой силой, дающей «обличье невидимому, но уже существу. Вера осуществляет то, что для разума чистое безумие» [9, с. 349].

Прошлое – удел историков; современность – политиков. А вот о политике М. Волошин говорил, что «это только очень популярный и очень бестолковый подход к современности» [9, с. 455]. Политику он противопоставлял поэта: «Тот, кто видит слишком ясно вперед, не должен заниматься политикой: он будет только раздражать. Его дело писать стихи», – объяснял Алексею Толстому [14, с. 736-737]. О своем понимании места и роли поэта в обществе Волошин писал неоднократно и в стихах («Поэту», «Доблесть поэта»), и в прозе: «Поэту и мыслителю совершенно нечего делать среди этих беспорядочных столкновений, хотений и мнений. <...> Поэтому положение поэта в современном ему обществе очень далеко от группировок борющихся политических партий» [9, с. 455].

Почему же М. Волошин считал, что особое видение свершающегося это прерогатива поэтов. Он полагал, что каждый человек является носителем огромной, возможно даже бесконечной информации: «Наше ‘я’ – свиток. Наше тело – летопись мира. Оно есть точный отпечаток всей нашей эволюции во вселенной. Искрой сознания освещены только самые последние строки этого гигантского свитка. Если бы мы могли развернуть его, то в извилинах нашего мозга раскрылась бы вся человеческая история. <...> И надо сказать, что все факты нашего опыта и исследования становятся для нас творческими и живыми лишь тогда, когда мы, хотя бы смутно, нащупаем их место в этой летописи внутреннего ‘я’» [7, с. 185].

Волошин был убежден, что «человек должен суметь развернуть свиток своих мозговых извилин, в которых записано все, и прочесть

всю свою историю изнутри» [10, с. 162]. Путь к этой информации, хранящейся в глубинах сознания, лежит через творчество: «всякое искусство есть лишь воплощение нашего темного, подсознательного Я» [7, с. 139]. А особенно – поэзия: «рифма рождает мысль. Конечно, найденная этим путём мысль никогда не бывает случайна; она вытекает из всего подсознательного опыта поэта <...> Это прямое обращение к своему подсознательному, в котором скоплены все материалы, уже готовые для творческого претворения и воплощения» [6, с. 403-404]. М. Волошин различал три момента существования художественного произведения: «момент жизненного переживания, момент творческого осуществления и момент понимания» [6, с. 158]. Последний, ставил даже выше творчества. Он обратил внимание на парадоксальную мысль Блеза Паскаля: «Художественное произведение принадлежит тому, кто понимает его, а не тому, кто его создал» [4, с. 85].

К поэту, а значит и к себе, Волошин предъявлял такие требования: «Поэт, отзывающийся на современность, должен совмещать в себе два противоположных качества: с одной стороны, аналитический ум, для которого каждая новая группировка политических обстоятельств является математической задачей, решение которой он должен найти независимо от того, будет ли оно согласовываться с его желаниями, с другой же стороны – глубокую религиозную веру в предназначенность своего народа и расы» [9, с. 455-456].

Вот еще один волошинский парадокс: поэт живет интуитивным озарением и решает математические задачи. Наверное, не многие поэты согласятся с этим. Но так поступал сам Волошин. Он умел понимать смысл своих стихов. В отличие от других поэтов. Например, Марина Цветаева искренне говорила: «Я, честное слово, никогда не могла понять, когда мне пытались объяснить, что я делаю <...> Если бы для писания пришлось понимать, я бы никогда ничего не смогла. Просто от страху» [17, с. 245].

Для Волошина понимание было смыслом жизни. В письме к Юлии Оболенской он провозгласил: «Я всегда думал, что мы в мире вовсе не для того, чтобы путать и портить, под предлогом исправления сущего, а для того, чтобы понять» [14, с. 46].

Летом 1914 года, волей судьбы, М. Волошин оказался в центре «объятой пламенем Европы», отрезанным от России театром военных действий Первой мировой войны. В автобиографии семилетний период своей жизни определил словом «Война» [11, с. 251]. Но он не только

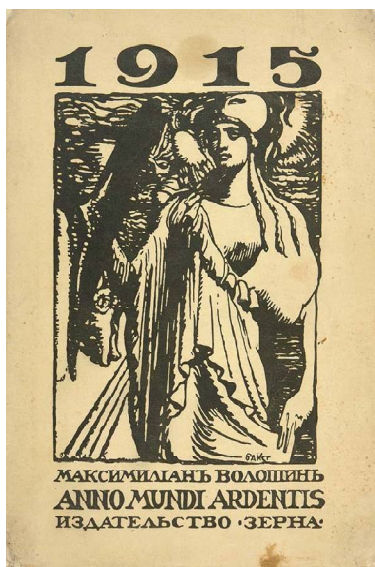
стал летописцем, которых в те годы было немало, а стремился понять причины, которые привели к невиданной до той поры «мировой трагедии». Вначале делился своими мыслями с близкими людьми. О смысле войны написал Борису Савинкову: «Для меня картина войны (с точки зрения вечности) представляется теперь так: выросли огромные примитивные организмы – государственно-промышленные. К ним отдельный человек относится как клеточка. <...> И вот сознательный, морально-творящий человек осужден исполнять в этих процессах роль желудочного сока. <...> Нужно прекратить этот чудовищный биологический процесс – это образование государственно-промышленных осьминогов высшего порядка, а не отстаивать одного над другими» [14, с. 400].

Написал Александр Петровой: «Но если б я и должен был идти на войну, я бы отказался: не из-за страха смерти – я его не знаю и готов уйти каждую минуту, но потому что есть у меня враги более важные, чем немцы. Это теперешние орудия разрушения, демоны взрыва, демоны машин, демоны организации. Германия во всей своей чудовищности – только их произведение» [14, с. 413].

Он не принял бытовавшее тогда объяснение, что борются расы и народы: «Это ведь ложь, что это война рас. Это борьба нескольких государственно-промышленных осьминогов. Они совершают свои гнусные пищеварительные процессы, а им посылают отборных юношей» [14, с. 414].

Он также скептически отнесся к объяснению, что эта война последняя – война за уничтожение войн. Рассмотрение войны 1914 года в ретроспективе Европейской истории не оставляет надежды на это.

Волошин откликнулся на, сейчас уже позабытую, книгу Альфонса Сеше «Адские войны» [18] статьей, в которой изложил ее основные тезисы, которые во многом совпадают с его собственными мыслями: «Война во все века была отражением общества. В средние века она

*М. Волошин. Anno mundi ardentis.
Обложка. 1916 год*

была турниром. <...> В XVI веке война, ставшая искусством маневров, становится почти бескровной, что составляет странный контраст с начинающимся в эту же эпоху ожесточением нравов частной жизни.

В настоящее время война становится делом практической науки. Войну ведет не правительство, не народ, а промышленность. По примеру промышленности война интернационализируется. <...> Народы, независимо от своего соседства, образуют военные синдикаты совершенно таким же образом, как соединяются капиталы для эксплуатации промышленного предприятия.

Войны рыцарские, правительственные, национальные имели за собой определенную идеологию: справедливость божественную, исторические права, права человека, права нации. Теперь война вступает в чисто деловой фазис. Ее цель – не моральная. <...> Это насилие не над расой, а над промышленностью: война должна разорить промышленность другой страны.

Необходимо или овладеть машинами производства своего противника, или разрушить их, потому что по заключении мира это даст непосредственный перевес промышленности и откроет новые рынки. <...> Раньше войны начинались от бедности, от недостатка. Настоящая война начата Германией от избытка, который, не находя себе выхода, задушил бы ее самое. <...>

Европе предстоит эпоха великих войн, которые воистину могут быть названы “адскими войнами”» [8, с. 531-534].

С этого момента, основной в поэтическом творчестве Волошина

*М. А. и Е. О. Волошины.
Коктебель. 1919 год*

стала гражданская лирика. Стихи этого цикла собраны в книгу «Anno mundi ardentis» («В год пылающего мира») [3]. Позднее он их включил в книгу «Неопалимая Купина». Менее известны его статьи, которые публиковались в «Биржевых ведомостях» и были обобщены в лекции «Скрытый смысл войны». В ней Волошин пытался «не судить, кто прав, кто виноват. А понять, исчислить,

анатомировать, расчленив те силы, что составляют войну» [14, с. 414]. Проследил путь от братского кулака Каина, до современных ему взрывчатых веществ. И ужаснулся от огромного морального сдвига, к которому привели технические достижения. В средние века рыцарь выступал против рыцаря. «Только равному с равным дозволялось скрещивать оружие. Меч мог выступать только против меча» [9, с. 388]. Тогда же появилось понятие чести воина. Чести политика никогда не существовало.

Появление пороха перевернуло все понятия гражданственности и устои справедливости. Волошин цитирует «Неистового Орландо»: «Святотатственное и отвратительное изобретение! Как могло найти ты доступ к человеческому сердцу? Тобою сокрушена военная слава, тобою опозорено ремесло воина; благодаря тебе сила и храбрость стали бесполезными; благодаря тебе трус становится равен храбрейшему» [9, с. 390].

Начало этого «морального сдвига» Волошин относит к XVI веку, когда «пласты почвы, в которых были укреплены устои европейской культуры, сдвинулись и поползли. Начало оползня ужаснуло, но движение было так медленно и равномерно, что к нему быстро привыкли, назвали его прогрессом и условились считать за благо. Но движение этого так называемого прогресса шло, все ускоряясь, и вот уже превратилось в лавину; наши ноги отделились от твердой земли, и мы уже слышим свист полета в ушах, и сознание, замирая, еще не смеет осознать значения этого срыва» [9, с. 391].

Развивается и совершенствуется техника, обслуживающая человека, но не развиваются способности каждого человека. Человек – совершеннейшее творение, становится рабом машины:

*Как нет изобретателя, который,
Чертя машину, ею не мечтал
Облагодетельствовать человека,
Так нет машины, не принесшей в мир
Тягчайшей нищеты
И новых видов рабства*

[5, с. 30].

М. Волошин предсказал катастрофы, перед которыми современная ему война покажется «такой же спортивной идиллией, как нам кажутся теперь битвы античного мира» [9, с. 347]. И назвал новую силу: это «интраатомная энергия». «Катастрофические колебания человечества

достигнут наибольшей степени напряженности, когда эта абсолютная материальная сила, а вместе с нею и власть над рождением и смертью материи, будет дана в руки человека» [9, с. 347]. Поэт с незаконченным юридическим образованием, живущий в оторванном от научных центров Коктебеле, анализировал последствия применения ядерного оружия, когда очень немногие физики задумывались над этой проблемой.

А вот пример его геополитических размышлений, которые актуальны и в наши дни: «Мирная конференция мелко искромсала всю Среднюю Европу на небольшие национальные государства, вопреки исторической логике и законам экономического сцепления. Этим она, конечно, только подготовила материал для будущих имперских образований и размельчила пищу для грядущего удава – завоевателя царств» [9, с. 500].

Следующие фразы не принадлежит Волошину, но он их читал: «американцы высший эгоизм», «американцы погубят землю» [15, с. 673]. Это слова Рудольфа Штейнера в пересказе Маргариты Сабашниковой.

Волошин высоко ценил европейскую культуру, которая была его Университетом. Он и в Париж поехал, «чтобы познать всю Европейскую культуру в ее первоисточнике» [12, с. 501]. С благодарностью говорил, что учился «художественной форме у Франции, чувству красок – у Парижа, логике – у готических соборов, средневековой латыни – у Гастона Париса, строю мысли – у Бергсона, скептицизму – у Анатоля Франса, прозе – у Флобера, стиху – у Гюлье и Эредиа» [11, с. 250]. Но скептически относился к ее идеалам: «Европейская культура. Торжество цивилизации. Прогресс науки и знания. < > В основу научного Европейского познания положено было рассудочные, логические области сознания. Устранены и не приняты в соображение вся подсознательная сторона, т.е. 99% из ста. < > Выпала из области доказуемого вся интуитивная сторона духа, и из области опыта совершенно утрачен опыт внутренний, опыт самопознания и самоисследования. Опыт мистический и оккультный, область которого по своему объему тоже бесконечно превышает область осязаемого и измеряемого числом. < > Вся эта сложная система понятий, которая зовется Европейской Культурой, имеет в основе два признака: осязание для познания, эгоизм для строительства» [9, с. 982-983]. «Европеец – талантливое, практичное и жестокое существо, от соприкосновения с которым другие народы быстро вымирают» [9, с. 377]. «И корень всего этого лежит в сознании своего культурного превосходства и того одичания морального, которое ведет за собой современная промышленность (как можно больше дешевых и безобразных предметов), торговля (завоевание рынков – покупай или убью!) и политика (право сильного, институт компенсаций)» [14, с. 297].

И вот неожиданный вывод: «А пока я что-то не вижу, чтобы Европейская мысль была склонна к пересмотру собственных своих устоев. Я лично думаю, что эта задача будет разрешена со временем только славянской расой» [14, с. 297].

М. Волошин дал свое понимание роли России в акте «мировой трагедии», развернувшейся на исторической сцене в начале XX века: «В моральном отношении Россия представляет собою единственный выход из того тупика, в который Европа зашла и который окончательно определился и замкнулся во время последней войны. Как смертельные болезни <...> предотвращаются прививками, <...> так Россия, наиболее здоровая из Европейских стран, – в настоящий момент совершает жертвенный подвиг, принимая прививку социальной революции, чтобы, переболев ею, выработать иммунитет и собою предотвратит смертельный кризис болезни в Европе. Этот кризис наступит очень скоро, будет ужасен, но благодаря России Европейская культура переживет его» [9, с. 437-438].

И такое же место он отводил России в грядущем кризисе, к которому ведет технократический путь развития цивилизации, показанный им в поэме «Путями Каина»: «Россия <...> Она не приняла печати атихристовой, и в ней одной может быть спасение для Европы. Она одна может выработать ту новую мораль, которой победятся демоны машин» [14, с. 414].

Волошин многократно повторял эту мысль самым разным людям. Военному министру Д. С. Шуваеву: «Моральное преодоление экономической культуры и победа над силами материализма может прийти только из России» [14, с. 540]. Своему другу, писателю и террористу Борису Савинкову: «И единственная искра спасения для Европы – в исконно русском анархизме. Неоткуда ждать других сил. <...> Россия – стихия. Она может потопить собой и в себе» [14, с. 400-401].

Эту мысль Волошина о том, что Россия может указать путь к преодолению кризиса, к которому привел технократический путь развития Европейской цивилизации, хочется оставить пока без комментария. Подтвердить или опровергнуть ее смогут только будущие поколения, к которым, в сущности, и обращался Волошин. В письме к Викентию Вересаеву он написал о своих стихах: «я их чувствую все рукописями, запечатанными в бутылку при кораблекрушении. Может, выплывут и кому-то станут нужны. Но когда? Кому?» [16, с. 784].

Желая «своему народу только пути правильного и прямого, точно соответствующего его исторической, всечеловеческой миссии», он знал, «что этот путь – путь страдания и мученичества», а переходящие

события (войны, революции, капитализм, социализм) «все это только различные виды пламени, приходя через которые перегорает и очищается человеческий дух» [9, с. 503].

М. Волошина нельзя считать пацифистом, отвергающим войну вообще. Он ее рассматривал как неизбежное явление, повторяющееся в человеческой истории. День мира – это шаг, приближающий к войне:

*Был долгий мир. Народы были сыты <...>
Тогда из бездны внутренних пространств
Раздался голос возвестивший: «Время
Топтать точило ярости!»*

[5, с. 39-40]

В октябре 1916 года он написал военному министру Д. Шуваеву: «Я отказываюсь быть солдатом, как Европеец, как художник, как поэт: как Европеец, несущий в себе сознание единства и неразделимости христианской культуры, я не могу принять участие в братоубийственной и междоусобной войне, каковы бы ни были ее причины. <...> Я преклоняюсь перед святостью жертвы гибнущих на войне и в то же время считаю, что для меня, от которого не скрыт ее космический моральный смысл, участие в ней было бы преступлением» [14, с. 539-540].

Но уже через полгода его отношение к войне изменилось. В письме к Марии Цетлиной в мае 1917 написал: «Надо ли говорить, что с первого марта** мое отношение к войне сразу переменялось. Если бы теперь мне пришлось быть призванным, я бы, конечно, не стал отказываться. <...> Мое отношение к войне, разумеется, не изменилось, но явилось новое чувство: личной ответственности за поведение России» [14, с. 586].

Подробное объяснение Волошин дал в заметке «Ответственность за правительство» (апрель-март 1917 г.): «Каковы бы ни были роковые причины, породившие эту войну и придавшие ей ее дьявольский облик, мы обязаны честно исполнить свои обязательства и не быть предателями своих союзников. <...> Каково бы ни было наше личное, наше моральное отношение к войне, – прежде всего эта война должна быть доведена до конца» [9, с. 360-361]. На первое место М. Волошин поставил вопрос чести.

Войны имеют победителей. Наступает временный триумф одной из сторон. Но вот их традиционный итог:

*Людей же стало меньше.
Но для них*

*Среди пустынь недоставало места,
Они горели только об одном:
Скорей построить новые машины
И вновь начать такую же войну*

[5, с. 43].

Какой же выход видит ПОЭТ: «необходимо отречение от корыстно-эгоистических интересов. Всякое новое знание, всякая новая сила должны быть уравновешены в человеке равносильным самоограничением. Тогда создается та прочная моральная самодисциплина, на которой строится правовой порядок. Общество и государственность крепки вовсе не завоеванием новых прав, которые всегда носят эгоистически-классовый характер, а добровольным отказом от естественных прав индивидуальности» [9, с. 394]. Своим единственным идеалом Волошин назвал «Град Божий», понимая, что «он находится не только за гранью политики и социологии, но даже за гранью времен. Путь к нему – вся крестная, страстная история человечества» [9, с. 503].

Эти мысли Максимилиана Волошина являются его глубоким убеждением. Многократно варьируются во многих его стихах, статьях и выступлениях.

Примечания

* Данная статья является развитием темы предыдущих исследований [см. 1, 2]

** Имеется в виду поворотный исторический момент – Февральская революция и свержение самодержавия в России.

Список литературы

1. Алимов С. А. «Умей читать условные черты». Три солнца Максимилиана Волошина // «Серебряный век в Крыму»: взгляд из XXI столетия. Материалы Восьмых Герцывковских чтений в г. Судак (7–11 июня 2013 года) / Сост. Т. Н. Жуковская. – М.–Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. – С. 85–96.

2. Алимов С. А. Откровение от Максимилиана. Пророчества и исторический анализ Максимилиана Волошина // «Серебряный век в Крыму»: взгляд из XXI столетия. Материалы Седьмых Герцывковских чтений в Судак (7–11 июня 2011 года) / Сост. Т. Н. Жуковская. – М.–Симферополь: Крымский центр гуманитарных исследований, 2013. – С. 58–68.

3. Волошин М. А. «Anno mundi ardentis 1915». – М.: Издательство «Зерна», 1916.

4. Волошин М. А. Записные книжки. – М.: Вагриус, 2000.
5. Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 2. Стихотворения и поэмы 1891-1931. – М.: Эллис Лак, 2004.
6. Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 3. Лики творчества. О Репине. Суриков. – М.: Эллис Лак, 2005.
7. Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 5. Лики творчества. – М.: Эллис Лак, 2007.
8. Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 6, кн. 1. Проза 1906 – 1916. Очерки, статьи, рецензии. – М.: Эллис Лак, 2007.
9. Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 6, кн. 2. Проза 1900-1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы. – М.: Эллис Лак, 2008.
10. Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 7, кн. 1. Журнал путешествия (26 мая 1900г. – ?). – М.: Эллис Лак, 2006.
11. Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 7., кн. 2. Дневники 1891 – 1932, Автобиографии, Анкеты, Воспоминания. – М.: Эллис Лак, 2008.
12. Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 8. Письма 1893-1902 / Под ред. В. П. Купченко, А. В. Лаврова, при участии Р. П. Хрулевой. – М.: Эллис Лак, 2009.
13. Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 9. Письма 1903-1912. – М.: Эллис Лак, 2010.
14. Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 10. Письма 1913 – 1917 годов. – М.: Эллис Лак, 2011.
15. Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 11, кн. 1. Переписка с Маргаритой Сабашниковой 1903 – 1905. – М.: Эллис Лак, 2013.
16. Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 12. Письма 1918 – 1924. – М.: Эллис Лак, 2013.
17. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. – М.: Эллис Лак, 1994.
18. Séché Alphonse. Les guerres d'enfer. Paris: E. Sansot, 1915.

MAXIMILIAN VOLOSHIN ABOUT WAR: THE VIEW OF THE XXI CENTURY

Alimov Sergey Aleksandrovich,

*a local historian
(Ukraine, Zaporozhye),
e-mail: alimovszp@mail.ru*

The article examines Voloshin's attitude to the history, to the historical events that took place at the beginning of the XX century, his geopolitical considerations. Using the

numerous Voloshin's statements in poems, prose and letters the author proves fatuity and merciless of any military action. A tentative to understand the poet as a historian and deep seer was made.

Keywords: *Voloshin, history, war, the seer, civic poetry, Europe, Russia.*

References

1. Alimov S. «Know how to read contingent traits». The three suns of Maximilian Voloshin // «Silver Age in the Crimea»: a view from the XXI century. The materials of the Eighth Gertsykovsky's readings in Sudak (7-11 June 2013) / Comp. TN Zhukovsky. Moscow-Simferopol: Business Inform. 2014. P. 85-96.
2. Alimov S. Revelation of Maximilian. The prophecies and historical analysis of Maximilian Voloshin // «Silver Age in the Crimea»: a view from the XXI century. Materials of the Seventh Gertsykovsky's readings in Sudak (7-11 June 2011) / Comp. TN Zhukovsky. Moscow-Simferopol: Crimean Center for Humanitarian Studies. 2013. P. 58-68.
3. Voloshin M. «Anno mundi ardentis 1915». Moscow: «Grains» Publisher. 1916.
4. Voloshin M. Notebooks. Moscow: Vagrius. 2000.
5. Voloshin M. Collected Edition. Vol. 2. Poems and Poems 1891-1931. Moscow: Ellis Lak. 2004.
6. Voloshin M. Collected Edition. Vol. 3. Faces of creativity. About Repin. Surikov. Moscow: Ellis Lak. 2005.
7. Voloshin M. Collected Edition. Vol. 5. Faces of creativity. Moscow: Ellis Lak. 2007.
8. Voloshin M. Collected Edition. Vol. 6. Book 1. Prose 1906-1916. Essays, articles, reviews. Moscow: Ellis Lak. 2007.
9. Voloshin M. Collected Edition. Vol. 6. Book 2. Prose 1900-1927. Essays, articles, lectures, reviews, sketches, plans. Moscow: Ellis Lak. 2008.
10. Voloshin M. Collected Edition. Vol. 7. Book 1. Travel Magazine (May 26, 1900 -?). Moscow: Ellis Lak. 2006.
11. Voloshin M. Collected Edition. Vol. 7. Book 2. Diaries 1891 – 1932 Autobiography, questionnaires, Memories. Moscow: Ellis Lak. 2008.
12. Voloshin M. Collected Edition. Vol. 8. Letters 1893-1902 / Ed. V. Kupchenko, A. Lavrov, with the participation of R. Khruleva. Moscow: Ellis Lak. 2009.
13. Voloshin M. Collected Edition. Vol. 9. Letters 1903-1912. Moscow: Ellis Lak. 2010.
14. Voloshin M. Collected Edition. Vol. 10. Letters 1913-1917. Moscow: Ellis Lak. 2011.
15. Voloshin M. Collected Edition. Vol. 11. Book 1. Correspondence with Margaret Sabashnikova 1903-1905.. Moscow: Ellis Lak. 2013.
16. Voloshin M. Collected Edition. Vol. 12. Letters 1918-1924. Moscow: Ellis Lak. 2013.
17. Tsvetaeva M. Collected Edition: in 7 vol. Vol. 2. M. : Ellis Lak 1994.
18. Séché Alphonse. Les guerres d'enfer. Paris: E. Sansot, 1915.

